

Лит. Россия. - 1991 - 13 дек. - с. 13

# Павел Васильев против Павла Васильева

О ПОЭТЕ Павле Николаевиче Васильеве (1910—1937), имя которого долгие десятилетия находилось под запретом, в последнее время пишут немало. Повышенный интерес вызывает не только его творчество, но и сама его яркая личность, слишком короткая жизнь, трагическая судьба.

К сожалению, в биографическую литературу о поэте вторглась и грозит в ней укорениться досадная ошибка. Друг Васильева и исследователь его жизни и творчества С. Поделков в «Биографической справке» к сборнику поэта «Стихотворения и поэмы», изданному в Большой серии «Библиотеки поэта», сообщает о том, что будто бы в 1934 году Васильев работал «над пьесой о большевистском подполье 1908 года «А все-таки она вертится...». Пьеса была закончена 24 апреля 1934 года. Опубликована не была. То же самое он повторяет позднее и в биографической справке к сборнику Павла Васильева «Стихотворения и поэмы», изданному в 1984 году в Алма-Ате. С легкой руки исследователя и другие критики стали приписывать авторство этой пьесы поэту Васильеву. Например, об этом пишет П. Выходцев в предисловии к сборнику Васильева «Избранное». Причем версия «обогастилась» заверением, что текст пьесы якобы утерян. На самом деле рукопись пьесы «А все-таки вертится...» (именно таково ее подлинное название) цела и невредима и хранится в архиве А. М. Горького в Москве. Однако принадлежит она совсем другому человеку, однофамильцу и «одноименцу» поэта, тоже Павлу Васильеву!

Павел Владимирович Васильев (1885 — ?) с юных лет еще будучи студентом техно-

логического института, активно включился в политическую борьбу, участвовал в революционной организации учебных заведений Петербурга. В 1905 году в первый раз арестован, в 1907 году осужден на 4 года каторги. В 1911 году бежал с поселения в Сибири, через месяц был вновь арестован и отбывал новый срок в Верхнеудинске, где после освобождения в 1913 году оставался жить вплоть до Февральской революции. Вместе с С. М. Горюхиным Васильев написал пьесу «Земля каторжная» и в соавторстве с Д. Ф. Касьяновым — пьесу о событиях 1906 года в Бутырской тюрьме «Корзина». Обе пьесы шли в Историко-революционном театре при Обществе политкаторжан. Кроме того, он написал книгу воспоминаний «На колесухе» (М., 1931). Не отличаясь большими литературными достоинствами, произведения Васильева представляли скорее историческую, документальную ценность, как живые свидетельства революционного прошлого. В 1934 году пенсионер Васильев обратился к Горькому.

Вот что писал этот второй Павел Васильев 4 сентября 1934 года Горькому: «Так как я имею маленькое литературное имя и так как и ношу и подписываюсь (с 1927 г.) также Павел Васильев или П. Васильев, то на этой почве нередко происходят не совсем приятные для меня моменты, когда нужно доказывать, что я совсем другой П. Васильев. Позвольте же представиться: я — член Общества политкаторжан, отбывший каторгу и поселение и освобожденный революцией 1917 года, рядовой участник ярких революционно-исторических событий и нескольких побегов из тюрьмы и ссылки... В этом году я написал самостоятельно пьесу из эпохи

1908 года «А все-таки вертится...» и очень прошу Вас — ознакомиться с нею и сказать о ней «свое авторитетное и дружеское слово».

Ответное письмо Горького до нас не дошло, не имеется его помет и на рукописи пьесы, поэтому мы не знаем, как оценил писатель присланное ему произведение. Однако по документам и материалам, хранящимся в том же горьковском архиве, мы знаем, что писатель весьма критически относился к поэту Павлу Васильеву (см. об этом: «Литературная газета», №41, 1991 г.). Это было хорошо известно и автору пьесы: ведь совсем недавно, 14 июня 1934 года, сразу в нескольких центральных газетах появилась статья Горького «О литературных забавах», в которой резко осуждалось «хулиганское поведение» поэта. Травля Васильева, начатая в прессе еще до появления горьковской статьи, превратилась в это время в шквал литературных доносов и в поток самой жестокой ругани. Для однофамильца опального поэта это создавало большие неудобства, при каждом новом знакомстве ему приходилось оправдываться, что он «совсем другой П. Васильев». С этих объяснений он начал и свое письмо к Горькому.

Через пятьдесят с лишним лет колесо истории наконец повернулось, и «кулацкий поэт» Павел Васильев, в свое время доставлявший так много неприятностей однофамильцу, теперь может отдать ему свой «долг»: благодаря происшедшей в литературной критике путанице имя ныне никому уже не известного автора революционных пьес, пусть на несколько мгновений, оказалось вырванным из забвения.

Наталья ПРИМОЧКИНА